

Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 141–146. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 2, pp. 141–146. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(410.1).09”20/21”

EDN IDFOJG

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-141-146>

ТЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ И МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА В РОМАНЕ ЗЭДИ СМИТ «БЕЛЫЕ ЗУБЫ»

Сафарова Зера Адиль-Гареевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, zera.safarova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2696-6199>

Аннотация. Тема идентичности и мультикультурализма – одна из центральных в современном литературоведении. Ее изучением занимались представители как постколониальной теории, так и культурных исследований и мультикультурализма. Научная новизна работы заключается в переосмыслении основных концептов мультикультурализма и идентичности в произведении Зэди Смит «Белые зубы» через призму современных литературоведческих подходов. Предлагается рассмотреть британский мультикультурализм XX в. не как гармоничное разнообразие, а как часто противоречивую систему управления различиями, а конструирование идентичности – как преобразование, осуществляемое не через сопротивление колониализму, а через религиозные секты, виртуальные и научные идеи (проект о мышши). Актуальность исследования заключается в попытке проследить исторические корни современных конфликтов идентичности, апробировать постколониальные и деколониальные теории на литературном тексте конца XX – начала XXI вв.

Ключевые слова: идентичность, мультикультурализм, гибридность, многоголосие, колониальное прошлое, иммигрант.

Для цитирования: Сафарова З. А.-Г. Тема идентичности и мультикультурализма в романе Зэди Смит «Белые зубы» // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 2. С. 141–146. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-141-146>

Research Article

THE THEME OF IDENTITY AND MULTICULTURALISM IN ZADIE SMITH’S NOVEL “WHITE TEETH”

Zera A.-G. Safarova, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication of Yaqubov Crimean Engineering and Pedagogic University”, zera.safarova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2696-6199>

Abstract. The theme of identity and multiculturalism is a central one in contemporary literary studies. It has been studied by both postcolonial theory and cultural studies and multiculturalism. The research’s novelty lies in its rethinking of the key concepts of multiculturalism and identity in the work through the lens of contemporary literary approaches. It proposes examining multiculturalism not as diversity, but as a system for managing differences, and the construction of identity not through resistance to colonialism, but through religious sects, virtual reality, and scientific ideas (the mouse project). Topicality of the research lies in its attempt to understand the historical roots of contemporary identity conflicts and to test postcolonial and decolonial theories on literary material.

Keywords: identity, multiculturalism, hybridity, polyphony, colonial past, immigrant.

For citation: Safarova Z. A.-G. The theme of identity and multiculturalism in Zadie Smith’s novel “White Teeth”. Bulletin of Kostroma State University. 2026, vol. 32, no. 2, pp. 141–146. (In Russ.) <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-2-141-146>

Введение. Проблема идентичности в условиях глобализованного и мультикультурного общества является одной из наиболее дискуссионных в гуманитарных науках рубежа XX–XXI вв. Для стран с колониальным прошлым и активной иммиграционной историей, таких как Великобритания, этот вопрос приобретает особую остроту. Идентичность перестает восприниматься как данность, превращаясь в динамичный, часто конфликтный процесс самоопределения, в котором сталкиваются личные устремления, семейные традиции, давление социума и груз исторического прошлого.

Мультикультурализм как политический курс 1970–80-х гг., призванный обеспечить равноправное сосуществование культур, к 1990-м гг. демонстрировал свою внутреннюю противоречивость. Критики (например, Стюарт Холл, Сара Ахмед) отмечали, что на практике он зачастую превращался в инструмент «управления различиями», сводя культурное многообразие к безопасному декоративному «колодцу», не решая проблем структурного неравенства и расизма [Hall 2000: 210; Ahmed 2014: 132].

Теоретическая основа исследования формируется на стыке нескольких дисциплин: политической философии, культурологии и литературоведения. Понятие мультикультурализма, возникшее в 1970-е гг. как обозначение политики признания культурного разнообразия в западных обществах (Канада, Австралия, Великобритания), к концу XX в. подверглось серьезной критике. В политических науках (У. Кимлика, Ч. Тейлор) дискуссия велась вокруг баланса между групповыми правами и либеральными ценностями. Однако в рамках культурных исследований (С. Холл) и постколониальной теории критика приняла иную направленность: мультикультурализм стал рассматриваться как технология управления, которая, институционализируя различия, нейтрализует их политический потенциал и воспроизводит структурное неравенство [Hall 2000: 214; Ahmed 2012: 190]. Именно этот критический подход, перенесенный в поле литературы, является ключевым для анализа романа Смит.

Ключевым для исследования выступает неэссенциалистское понимание идентичности, сформулированное в рамках постколониальной теории и культурных исследований. Его философские истоки восходят к критике европоцентризма и феноменологии Другого. Так, работы франко-мартиникского психиатра и философа Франца Фанона, особенно «Черная кожа, белые маски» (1952) и «Проклятьем заклейменные» (1961), заложили основу для анализа психопатологии колониализма. Фанон показал, как колониальная система порождает у угнетенного «расколотое сознание» (раздвоение между самоощущением и навязанным образом в глазах колонизатора) и внутреннее стремление к «обелению» [Фанон: 70].

Эту линию развил теоретик постколониализма Хоми К. Бхабха. В своей ключевой работе «Место культуры» (1994) он, опираясь на психоанализ и постструктурализм, ввел концепции «гибридности» (hybridity) и «мимикрии» (mimicry). Бхабха отошел от бинарной модели Фанона, утверждая, что в межкультурном контакте рождаются не синтезы, а «третьи пространства» – амбивалентные, нестабильные формы. «Мимикрия» как навязанное подражание колонизатору, по Бхабхе, всегда содержит в себе угрозу: копия не равна оригиналу, и в этом зазоре может таиться ирония, пародия и подрыв власти [Bhabha: 60, 65].

В британском контексте эти идеи были адаптированы и социологизированы Стюартом Холлом. В своей программной статье «Кто нуждается в идентичности?» (1996) Холл определяет идентичность не как сущность, а как процесс «становления» (becoming), конструируемый в дискурсе и всегда незавершенный [Hall 1996: 5]. Именно Холл и его последователи (например, Сара Ахмед) применили эту модель к анализу мультикультурного общества, показав, как политика разнообразия может превращаться в инструмент «управления различиями» (managing difference) и создавать лишь «видимость толерантности», маскирующую расизм и неравенство [Ahmed 2012: 151].

Для анализа психологических аспектов колониального прошлого и его трансгенерационной передачи фундаментальное значение имеют работы Ф. Фанона [Фанон: 112]. В «Черной коже, белых масках» он представил феномен «расколотого сознания» колонизованного субъекта, вынужденного примерять на себя маску колонизатора [Фанон: 18]. Хоми Х. Бхабха в работе «Место культуры» (1994) развил эти идеи, предложив концепции «мимикрии» – амбивалентного подражания, подрывающего власть колонизатора, – и «гибридности» – возникновения новых, «третьих» форм идентичности в зоне культурного контакта [Bhabha: 86, 112]. Теория «эмоционального поворота» (С. Ахмед, Л. Берлант) позволяет анализировать, как коллективные аффекты (ностальгия, травма, стыд) формируются и передаются в рамках семейных и социальных нарративов, что особенно значимо для исследования поколенческой динамики в романе Смит.

Именно в период публичного оптимизма и скрытого кризиса британского мультикультурализма 1990-х годов появляется дебютный роман Зэди Смит «Белые зубы» (2000), ставший культовым и закрепивший за автором статус голоса нового, мультикультурного поколения. Британские 1990-е характеризовались глубокой идеологической двойственностью: на смену индивидуализму М. Тэтчер пришла риторика «новых лейбористов» о социальной сплоченности

и инклюзивности, что на практике показало противоречие между публичной пропагандой мультикультурализма и сохраняющимся культурным неравенством. Этот период стал также временем активного пересмотра исторической памяти, когда дебаты об имперском прошлом и национальной идентичности стали почвой для художественного исследования травм колониализма и опыта диаспоры. Будучи дочерью англичанина и уроженки Ямайки, Смит исследует проблему изнутри, помещая глобальные вопросы в локальный контекст лондонского района Уиллсден и в частные истории трех переплетенных семей – Джонсов, Икбалов и Чаффенов. Ее подход отличается от классиков постколониальной литературы (С. Рушди, В.С. Найпол) острым комическим пафосом, вниманием к внутренним конфликтам в среде иммигрантских сообществ и смещением фокуса с диалекты «колонизатор – колонизируемый» на сложности второго и третьего поколений.

Роман «Белые зубы» не существует в литературном вакууме; он является ярким представителем новой волны британской постколониальной и мультикультурной прозы, сформировавшейся в 1990-е гг. Эта литература наследует традициям, заложенным авторами первого поколения постколониальных писателей, такими как Сэмюэл Селвон («Одинокие лондонцы», 1956), Джордж Лэмминг («Эмигранты», 1954) и, позднее, Салман Рушди («Дети полуночи», 1981). Однако если их творчество часто фокусировалось на травме разрыва с родиной, проблеме неприятия в метрополии и поисках утраченных корней, то новое поколение (Ханиф Курейши, Андреа Леви, Моник Роффи, сама Зэди Смит) смещает акцент. Их герои – это уже второе и третье поколение иммигрантов, рожденные в Великобритании. Для них «дом» – это не мифическая родина предков, а сложный, конфликтный, но и родной мультикультурный Лондон. Соответственно, меняется и проблематика: на первый план выходят не вопросы диаспоры и изгнания, а внутренние конфликты сообществ, проблема «некорневых» идентичностей, критика как расизма белого большинства, так и фундаментализма внутри меньшинств. Ирония, гротеск и полифоничность становятся ключевыми стилистическими чертами этой литературы, что в полной мере проявляется в романе Смит [Lamming: 67].

Цель исследования – выявить и проанализировать критическую репрезентацию процессов формирования идентичности и идеологии мультикультурализма в романе, раскрывая их внутренние противоречия через призму современных теоретических подходов.

Для достижения цели ставятся следующие **задачи**:

1. Определить место романа в историко-литературном контексте британской постколониальной прозы 1990–2000-х гг.

2. Исследовать, как колониальная травма трансформируется в поколенческих нарративах семей Джонсов и Икбалов на материале концептов «корней» и «путей».

3. Рассмотреть альтернативные, часто тотализирующие проекты идентичности (религиозный фундаментализм, научный рационализм, перформативная самоидентификация).

4. Проанализировать стратегии авторской иронии, пародии и гротеска как основные нарративные инструменты деконструкции этих проектов.

Научная новизна работы заключается в комплексном применении междисциплинарных подходов (постколониального, деколониального, эмоционального поворота) для анализа романа, что позволяет продемонстрировать, как Смит переосмысляет классические концепции гибридности и мимикрии, смещая фокус с диалекты «колонизатор – колонизируемый» на внутренние конфликты второго и третьего поколений иммигрантов.

Роман строится вокруг исследования того, как колониальная травма прошлого видоизменяется, но не исчезает, в жизни последующих поколений. Смит предлагает не бинарную, а спектральную модель реакций на эту травму, варьирующуюся от полного вытеснения до фанатичной ностальгии.

В семье Джонсов происходит бегство от прошлого и его вытеснение. Арчи Джонс представляет фигуру «англичанина без прошлого», чьи корни (неудачный брак, травма Второй мировой) воспринимаются как обуза:

Archie Jones was a man whose history was deliberately erased. He had no known parents, no known childhood. He had been, it seemed, born into the army at the age of eighteen, a fully formed private, blank as a page [Smith: 57]. (Арчи Джонс был человеком, чью историю намеренно стерли. У него не было известных родителей, не было известного детства. Казалось, он был рожден в армии в восемнадцать лет – полностью сформированным рядовым, чистым, как белый лист)¹.

Его стратегия – разрыв и вытеснение через брак с Кларой и растворение в мультикультурном Уиллсдене. Однако травма не исчезает, а трансформируется в пассивность и избегание конфликтов. Так он, будучи англичанином, ассимилирует, пытаясь стать человеком без «национальности»:

He was English in the way that cabbage is green – a fact so basic, so unremarkable, it defied examination [Smith: 80]. (Он был англичанином так же, как капуста зелена – факт настолько базовый, настолько не стоящий внимания, что не подлежал какому-либо анализу).

Его английское происхождение – просто биологическая принадлежность, а не культурная или историческая. Происходит некая трансформация травмы, она вытесняется, но проявляется в стремлении избе-

гать конфликты и пассивности. Клара, в свою очередь, совершает сознательный отказ от своих ямайских и религиозных (свидетели Иеговы) корней, меняя имя и конструируя «чисто английскую» идентичность через смену имени:

She was not 'Clara' by birth. That came later. She was born Ambrosia Bowden, a name that carried the weight of Jamaica, of the Bowden family saga, of prophecy and madness. 'Clara' was her own creation, a clean, English, short, and toneless sound [Smith: 94]. («Кларой» она была не от рождения. Это имя появилось позже. При рождении её нарекли Амброзией Боуден – именем, в котором ощущался груз Ямайки, семейной саги Боуденов, пророчеств и безумия. «Клара» же была её собственным творением – чистым, английским, коротким и бесцветным звучанием).

Однако вытесненная травма материализуется в её дочери Айри в форме культурного стыда – ненависти к своим кучерявым волосам и телу, что является яркой иллюстрацией теории Сары Ахмед об аффективной передаче исторического опыта через семейные отношения [Ahmed: 110].

В семье Икбалов, выходцев из Бангладеша, травма проявляется как фанатичная ностальгия и «расколотое сознание» (Ф. Фанон). В образе Самада Икбала находит воплощение внутренний конфликт между мифическим прошлым Бенгалии и позором коллаборационизма в семейной истории. Нарратор определяет его состояние как «a walking civil war» («раздираемый внутренней борьбой»; перевод наш. – З. С.):

Samad Iqbal was a man divided: a waiter in the present, a soldier in the past; a Muslim in theory, a drinker and fornicator in practice; a Bengali in London, a Londoner in Bengal. He was a walking civil war [Smith: 309]. (Самад Икбал был человеком расколотым: официант в настоящем, солдат в прошлом; мусульманин в теории, пьяница и блудник на практике; бенгалец в Лондоне, лондонец в Бенгалии. Он был раздираем внутренней борьбой).

Жизнь в Лондоне для него – не путь вперед, а постоянное оглядывание назад. Его попытка разрешить внутренний конфликт через тотальный контроль над сыновьями оборачивается крахом и порождает две зеркальные неудачи:

He would send Maguid back to Bangladesh – not to the real, muddy, modern Bangladesh, but to the idea of it he carried in his head: pure, Islamic, uncorrupted. In Maguid, he would correct the course of history. In Millat, he saw only his own failed rebellions [Smith: 409]. (Он отошлёт Маджида обратно в Бангладеш – не в настоящую, грязную, современную Бангладеш, а в ту её идею, что он носил в своей голове: чистую, исламскую, неиспорченную. В Маджиде он исправит ход истории. В Миллате же видел лишь собственные неудавшиеся бунты).

Гипермимикрия находит свое воплощение в образе Маджита (термин Х.К. Бхабхи) и проявляется в стерильном и слепом следовании указаниям отца.

Он превращается в образцового «британского мусульманина» без подлинной идентичности.

В образе Миллиата бунт принимает форму пародийной мимикрии в виде «воинственного пакистанца», который, по сути, является перформансом, игрой с навязанными стереотипами:

To his teachers, he was 'trouble' in a salwar kameez. To his father, he was 'a Western devil' in prayer beads. But to himself, Millat was performing a perfect, furious mimicry – mimicking the white idea of a Paki, mimicking the Paki idea of a believer, never being either, always playing both [Smith: 402]. (Для своих учителей он был «проблемой» в шальвар-камизе. Для своего отца – «западным дьяволом» в чётках. Но для себя самого Миллат исполнял идеальную, яростную мимикрию – подражая белому представлению о «паки», подражая пакистанскому представлению о верующем, никогда не будучи ни тем, ни другим, всегда играя обе роли одновременно).

Этот образ является продуктом ориенталистского дискурса, описанного Э. Саидом [Саид: 209], и демонстрирует тупиковость стратегии тотального отрицания.

Лишенные прямой колониальной травмы, Чаффены являются носителями травмы западного рационализма – веры во всеислие разума и науки. Проект Маркуса Чаффена «Будущая мышшь» служит в романе аллегорией биополитики (М. Фуко [Фуко: 256]) и метафорой государственного подхода к мультикультурализму как к социальной инженерии. Это попытка полного управления жизнью, «биополитика, облеченная в плоть»:

FutureMouse® was not just an experiment; it was a manifesto. A living proof that chaos could be scheduled, that life could be fully regulated. Every cell, every heartbeat, every tumor of the creature was predicted, mapped, and owned. It was biopolitics made flesh (and fur) [Smith: 420]. («Будущая мышшь» (FutureMouse®) была не просто экспериментом; это был манифест. Живое доказательство того, что хаос можно распланировать, а жизнь – полностью регламентировать. Каждая клетка, каждый удар сердца, каждая опухоль этого существа были предсказаны, нанесены на карту и принадлежали [создателям]. Это была биополитика, воплощенная в плоти (и в мехе).

Комичный и тотальный провал этого проекта (мышшь сбегают) символизирует крах любой идеологии, стремящейся устранить иррациональное, историческое и случайное, и становится актом сопротивления самой идее «управляемого будущего»:

And when FutureMouse® chewed through its wires and escaped its maze, it did more than ruin an experiment. It protested. It became random. It reintroduced chance. In that one, glorious act of rodent disobedience, it mocked the very idea of a governable future [Smith: 480]. (И когда «Будущая мышшь» перегрызла провода и сбежала из своего лабиринта, она сделала больше, чем просто разрушила эксперимент.

Она заявила протест. Она стала случайностью. Она вернула в игру фактор неопределенности. Этим одним, великолепным актом грызуного неповиновения она высмеяла саму идею управляемого будущего).

Иной выглядит жизнь третьего поколения мигрантов, например дочери Арчи Джонса. В противовес типичным стратегиям родителей и окружающих, Айри Джонс воплощает живой и динамичный процесс становления гибридной идентичности. Она не выбирает между ямайским и английским, а постоянно пребывает в прострации, в «третьем пространстве» Бхабхи:

She realized she didn't have to be Clara's daughter or Archie's daughter or even a daughter of Jamaica or England. She could be a stir-fry, a hybrid, a minestrone. Her identity wasn't a tree with one root, but a rhizome, spreading and connecting in all directions [Smith: 479]. (Она поняла, что ей не обязательно быть дочерью Клары или дочерью Арчи, или даже дочерью Ямайки или Англии. Она может быть жарким перемешанным блюдом, гибридом, минестроне. Её идентичность – не дерево с одним корнем, а ризома, расширяющаяся и соединяющаяся во всех направлениях).

Ее идентичность – перформативна и изменчива: она примеряет и отбрасывает маски бунтарки, интеллектуалки, дочери. Ее беременность в финале романа от неизвестного отца (подразумеваются оба сына Самада) – мощный символ гибридного будущего:

And looking at her own child – a boy whose father could be one of two twins, whose ancestry was a glorious, unsolvable equation of Jamaica, England, Bengal, and beyond – she felt not anxiety, but a kind of awe. He was the future. A future nobody could design, predict, or control. A beautiful accident [Smith: 460]. (И, глядя на своего собственного ребенка – мальчика, чьим отцом мог быть любой из близнецов, чье происхождение было великолепным, неразрешимым уравнением из Ямайки, Англии, Бенгалии и чего-то ещё, – она чувствовала не тревогу, а нечто вроде благоговения. Он и был будущим. Будущим, которое никто не мог спроектировать, предсказать или контролировать. Прекрасной случайностью).

Это не запланированный проект, а стихийный акт принятия неопределенности и непрерывности жизни. Будущее ее ребенка принципиально непрочитаваемо и свободно от тотализирующих нарративов прошлого, указывая на единственно жизнеспособную, по Смит, модель – открытость становлению.

Зэди Смит в романе «Белые зубы» применяет специфические нарративные стратегии, например авторскую иронию. Ирония у Смит выступает многоуровневым инструментом деконструкции, который разоблачает внутреннее противоречие в тотализирующих идеологиях – расизме, религиозном фундаментализме или официальном мультикультурализме. Автор с легким сарказмом описывает даже самые драматичные ситуации. Это создает критическую дистанцию между читателем и идеологически-

ми позициями персонажей. Например, фанатичная ностальгия Самада Икбала, его попытка «исправить историю» через своих сыновей.

Смит активно использует художественное преувеличение (гиперболу) для доведения идеи до абсурда, после чего она саморазрушается. Например, в образе Маджида и его стерильном соответствии отцовским идеалам, что превращает его в карикатуру. Преувеличенность образа Миллета, «воинственного пакистанца», показывает его искусственность и вторичность, деконструируя саму идею «аутентичного» бунта, основанного на реактивных, а не подлинных импульсах.

Кульминацией иронической деконструкции становится абсурд. Абсурд у Смит – это не хаос, а логическое завершение неправильно поставленных задач, обнажающее их несостоятельность. Побег «Будущей мыши» – это абсурдный с точки зрения науки, но глубоко символический акт. Он демонстрирует, что реальная, живая, человеческая (и животная) жизнь всегда ускользает от любых идеологических схем.

Таким образом, роман Зэди Смит «Белые зубы» представляет собой сложную критическую рефлексию о кризисе британского мультикультурализма и поисках идентичности на рубеже тысячелетий. Последовательно применяя междисциплинарный теоретический аппарат (С. Холл, Х.К. Бхабха, Ф. Фанон, С. Ахмед, Э. Саид, М. Фуко), мы показали, как Смит переосмысляет классические постколониальные концепции, смещая фокус на внутренние конфликты иммигрантских сообществ и вторых-третьих поколений.

Анализ демонстрирует, что в романе мультикультурализм предстает не как успешная интеграционная политика, а как противоречивая «система управления различиями», порождающая новые формы отчуждения. Смит деконструирует как эссенциалистские проекты идентичности, основанные на тотальном контроле (религиозный фундаментализм Самада, научный рационализм Маркуса), так и стратегии полного отказа от прошлого (Арчи и Клара Джонс). Ключевым нарративным инструментом этой деконструкции выступает авторская ирония, принимающая формы пародии, гротеска и абсурда. Именно ирония позволяет Смит дистанцироваться от упрощенных решений и показать мультикультурную реальность как пространство неловких соседств, бытовых предубеждений и комических несоответствий, сопротивляясь как фундаментализму, так и официальному, «лакированному» мультикультурализму.

В финале романа Смит намечает альтернативу через фигуру Айри Джонс и ее нерожденного ребенка. Эта альтернатива заключается не в синтезе или выборе, а в принятии гибридности как перманентного процесса становления, открытого случайности и свободного от диктата тотализирующих идеологий прошлого. Тем самым «Белые зубы» не только

фиксируют кризис идентичности в мультикультурном обществе, но и предлагают эстетически убедительную модель посттравматического существования, основанную на иронии, гибкости и принятии неопределенности будущего.

Примечания

¹ Здесь и далее все переводы иноязычных текстов принадлежат автору статьи.

Список литературы

Источники

Smith Zadie. White Teeth. United Kingdom, 2000, 480 p.

Исследования

Саид Э. Ориентализм. Нью-Йорк: Пантеон Букс, 1978. 351 с.

Франц Фанон. Черная кожа, белые маски / пер. с франц. Д. Тимофеева. Москва: Музей современного искусства «Гараж», 2022. 224 с.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности: работы разных лет: пер. с франц. Москва: Касталь, 1996. 448 с.

Alfred A. Knopf. The Enigma of Arrival. New York, Alfred A. Knopf, 1987, 354 p.

Ahmed S. The Cultural Politics of Emotion. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2014, 256 p.

Ahmed S. On Being Included: Racism and Diversity in Institutional Life. Durham, Duke University Press, 2012, 243 p.

Bhabha H.K. The Location of Culture. London, Routledge, 1994, 285 p.

Hall S. Introduction: Who Needs 'Identity'? Questions of Cultural Identity, ed. by S. Hall, P. du Gay. London, Sage, 1996, pp. 1–17.

Hall S. Conclusion: The Multi-cultural Question. Unsettled Multiculturalisms: Diasporas, Entanglements, 'Transruptions', ed. by B. Hesse. London, Zed Books, 2000, pp. 209–241.

Lamming G. The Emigrants. London, Published by Michael Joseph, 1954, 271 p.

Said E.W. Orientalism. New York, Pantheon Books, 1978, 351 p.

Young R.J.C. Colonial Desire: Hybridity in Theory, Culture and Race. London, Routledge, 1995, 230 p.

References

Franc Fanon. *Chernaya kozha, belye maski* [Black Skin, White Masks]. transl. from French by D. Timofeev. Moscow, Muzej sovremennogo iskusstva «Garazh» Publ., 2022, 224 p. (In Russ.)

Fuko M. *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti: raboty raznyh let* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality: works from various years], transl. from French. Moscow, Kastal' Publ., 1996, 448 p. (In Russ.)

Said E. *Orientalism* [Orientalism]. New York, Panteon Buks Publ., 1978, 351 p. (In Russ.)

Alfred A. Knopf. The Enigma of Arrival. New York, Alfred A. Knopf Publ., 1987, 354 p.

Ahmed S. The Cultural Politics of Emotion. Edinburgh, Edinburgh University Press Publ., 2014, 256 p.

Ahmed S. On Being Included: Racism and Diversity in Institutional Life. Durham, Duke University Press Publ., 2012, 243 p.

Bhabha H.K. The Location of Culture. London, Routledge Publ., 1994, 285 p.

Hall S. Introduction: Who Needs 'Identity'? Questions of Cultural Identity, ed. by S. Hall, P. du Gay. London, Sage Publ., 1996, pp. 1–17.

Hall S. Conclusion: The Multi-cultural Question. Unsettled Multiculturalisms: Diasporas, Entanglements, 'Transruptions', ed. by B. Hesse. London, Zed Books Publ., 2000, pp. 209–241.

Lamming G. The Emigrants. London, Publ. by Michael Joseph, 1954, 271 p.

Said E.W. Orientalism. New York, Pantheon Books Publ., 1978, 351 p.

Young R.J.C. Colonial Desire: Hybridity in Theory, Culture and Race. London, Routledge Publ., 1995, 230 p.

Статья поступила в редакцию 03.01.2026; одобрена после рецензирования 26.01.2026; принята к публикации 24.03.2026.

The article was submitted 03.01.2026; approved after reviewing 26.01.2026; accepted for publication 24.03.2026.